

ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ, КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ

А.П. Седых

Рассмотрение поведенческих характеристик сквозь призму языка представляет собой условное сведение всех типов значения в единую картину мира, фиксируемую национальным языком. Язык в данном случае выступает в качестве аналога человека в процессе речевой деятельности.

Речевая деятельность, как известно, строится главным образом на использовании готовых коммуникативных единиц: схем, шаблонов, клише и пр. Вместе с тем дух творчества заложен в самой природе человеческого общения. С одной стороны, конвенциональность языка, с другой – органичность индивида. Данные качественные “субстанции” коррелируют именно благодаря онтологическим различиям, так как язык и человек вступают в реверсивные отношения “инструмент↔исполнитель”.

Термин “языковое поведение” частично входит в понятийное поле термина “коммуникативное поведение”, впервые использованного в работе И.А. Стернина¹. Коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, иными словами, реальную коммуникативную практику. Языковое поведение включает в себя не только описание и лингвистический анализ особенностей реального речевого общения, но и выяснение роли языковых структур в формировании языковой компетенции говорящего на национальном языке. Язык как виртуальная система органически связана с его речевой реализацией. Термин “языковое поведение” позволяет объединить статическую и динамическую ипостаси языка.

Языковое поведение в значительной мере обусловлено конвенциональностью грамматических и лексических значений национального языка. Грамматические значения языковых единиц “членят” мир при помощи грамматических категорий. Грамматическим значением в лингвистике называют обязательно выраженное категориальное значение, релевантное для данного языка, так как значения, являющиеся грамматическими в одном языке, могут не быть таковыми в другом языке (значение рода в прошедшем времени для русского языка: делал-делала-делало, нерелевантное для французского языка: *j'ai fait*).

Лексическое значение подвижнее грамматического, но оно не менее конвенционально, чем первое. Языковое поведение всегда направляется определенным понятийным полем и во многом зависит от степени

разработанности концептуального аппарата национального языка. Содержание лексического состава языка в значительной степени формирует приоритеты восприятия действительности. Так, французский язык, выделяя разновидности знания с помощью значений глаголов **connaître** и **savoir**, наталкивает носителя языка на двойной тип обобщения. Русский язык в этом плане не дифференцирует видовые эпистемологические различия с помощью лексического состава, имплицитно тем самым единый тип классификации.

Реализации любого речевого акта, таким образом, предшествует процесс категоризации в русле функционирования концептуальных (перцептивных) схем, т.е. «информации, несомой в равной степени визуальной и языковой модальностями»². Семантическая конвенциональность обусловлена концептуальными структурами национального языка, которые рассматриваются как *национальная картина мира, состоящая из системы ментальных концептов*.

Когда мы говорим о национальной картине мира, мы в сущности говорим об относительности языкового восприятия. Система значений естественного языка, в которой отражаются различные аспекты действительности, характеризуется «договорным» типом отношений с последней. Данная договорность имплицитна и не осознается носителем языка на бытийном уровне. Она может быть выделена только на рефлексивном уровне.

Соотнесенность с внеязыковой действительностью подчеркивает избирательность семантических структур, но сама по себе ссыла на внешний референт как каузальность семантики, очевидно, бездоказательна. Внешняя реальность выполняет служебную роль в процессе коммуникации. Факт присутствия того или иного предмета или явления в сфере деятельности одного этноса и их отсутствия в пространстве другого отражается лишь на количественных характеристиках номинации. Природные условия, например, играют не последнюю роль в процессе формирования черт национального характера и особенностей коммуникативного поведения (суровые зимы России, мягкий климат Франции), вместе с тем способы отражения первых в языке и речи могут быть рассмотрены как латентная языковая конвенция всех членов этнокультурного сообщества.

Языковая компетентность как культурогенная система правил вербального поведения человека формируется в русле реализации коммуникативных интенций. Потребность в вербализации не может существовать в отрыве от семантической парадигмы национального языка, которая актуализируется в речевых конструктах. Язык и речь не противопоставляются, а являют собой различные аспекты

функционирования и, как следствие, способы интерпретации понятия “языковая личность”.

Языковое поведение может также интерпретироваться как доязыковая готовность к коммуникации³. В этом смысле уместно говорить о нижележащих языковых структурах, формирующих национально обусловленную типологию коммуникативного поведения.

Тенденции поведения, так же как и ментальные представления, связаны с определенными группами психических явлений, в той или иной мере присущих языковому сообществу, в значительной степени формируемых лексическими и грамматическими значениями данного языка.

В процессе коммуникации происходит согласование концептуальных схем, представляющих собой способ предметной организации информации на базе системы знаний, полученных индивидом в результате его взаимодействия со средой и с самим собой.

Абсолютное совпадение концептуальных схем невозможно по определению, так как субъективные смыслы полностью не накладываются один на другой. Адекватность коммуникации осуществляется в процессе преодоления субъективации в русле реализации национальных поведенческих установок, которые воспринимаются языковым сознанием как несомненная реальность. Процесс общения можно представить как постоянное соотнесение коммуникативной информации с системой концептуальных и языковых категорий.

За рамками фиксированных (дефиниционных) значений обеспечивается выход смысла к обобщенным ментальным представлениям, которые направляются концептуальными структурами национального языка. Язык как “диссипативная система”⁴ имеет свойство упорядочивать информацию в рамках заложенных поведенческих схем, именно благодаря конвенциональности языкового значения.

Языковое поведение, таким образом, осуществляется и интерпретируется в процессуальной семантике, возникающей на стыке этнической психологии и когнитивистики. Относительная устойчивость гомогенного семантического употребления языковых знаков достигается диалектическим взаимодействием психических и мыслительных инстанций, ответственных за выживаемость национального сообщества. В этом смысле, перефразируя В. фон Гумбольдта, подчеркнем, что *язык есть и продукт деятельности, и сама деятельность*.

Языковое мышление проецируется на языковую деятельность, которая связана через конвенциональность семантики с мифологическими установками каждого национально-культурного сообщества. Мифологизация является универсальным способом постижения, организации и категоризации действительности. Она охватывает все

уровни социальной и индивидуальной практик. Миф есть *особое состояние сознания*, специфическая мыслительная парадигма, продуцирующая систему представлений индивида.

Вслед за Р. Бартом мы считаем, что миф – это “коммуникативная система, сообщение”⁵. Иными словами, любое речевое произведение интерпретируется как мифологическая субстанция, наделенная этнокультурным кодом. Языковой знак анализируется с точки зрения его роли в реализации мифа, который рассматривается в качестве нижележащей структуры (этнострата) лингвистического знака как части концептообразующего ядра сообщения.

Мифы по определению консервативны, вместе с тем они активно формируют национальное культурологическое поле коммуникации, в основе которого лежит специфическая шкала ценностей. Высказывания строятся с использованием национального языка, который сам является частью мифа, мифа об этнической принадлежности: родина-мать, родная земля, малая родина, родная сторона; *état-nation, mère-patrie etc.* Речь идет об основополагающих мифах, *неявно формирующих особые состояния сознания*, некий символический континуум, который, используя терминологию М.М.Бахтина, можно назвать этнокультурным хронотопом, способ существования которого реализуется на стыке сознательного и бессознательного, как коллективного так и индивидуального. За основу берется единство психического поля группы, в котором вольно или невольно, сознательно или бессознательно пребывает каждый индивидуум и каждая область культуры.

Между языком, культурой и личностью происходит постоянный взаимообмен. Коллективный языковой конструкт, который функционирует в каждом члене этнокультурного сообщества, культурный канон, представляющий коллективное освоение группой ставших догмой архетипических ценностей, и творческие представители нации вступают в диалектические отношения друг с другом.

Речь идет об особом виде мироощущения, творческом процессе создания в воображении иллюзорной действительности, совпадающей с реальной лишь конвенционально. По мысли Ф. Ницше, язык состоит исключительно из метафор и человек постоянно создает их, что является основополагающим инстинктом человека, вместе с тем, последний не осознает метафорический характер языковой деятельности⁶.

Миф и метафора неразделимы. Именно структура метафоры различается в картинах мира представителей разных этнокультурных групп. Образная составляющая мифологического мышления национально окрашена, так как человеческие ощущения и восприятия не тождественны, их осмысление и обобщение происходит в русле реализации

семантических и эмоционально-ассоциативных рядов на основе конвенциональности семантики лингвистического знака. Как отмечает М. М. Маковский, слово – это «семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифопоэтического образа, который предстает перед нами только в слове. Мир (или различные миры) представляется человеку через призму его культуры, и, в частности, языка, являющегося неотъемлемым элементом культуры»⁷.

Аксиология и миф также взаимосвязаны. То, что для одной нации существенно, для другой находится на периферии ценностных приоритетов. Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий и принимает непосредственное участие в организации языкового сообщения. Она национально окрашена и представляет собой часть этнокультурной прагматики.

Таким образом, решающую роль в мифологическом мышлении играют не признаки предмета, а его *семантика*. Основополагающие мифы нации, в частности, русской и французской, отражаются в семантической структуре языкового материала и в его речевой реализации. Национальные мифы являются реализацией общечеловеческих «архетипов»⁸. Универсальные архетипы преобразуются в культурный канон, установленный данным этносом, и член этнокультурной общности адаптируется к нормальной жизни в этносе.

Так, архетипическое женско-мужское всепорождающее начало («уроборическая мать») очевидно преломляется в коллективном бессознательном русских и французов следующим образом: для русского символического пространства ключевой является фигура Матери, тогда как для французского – фигура Отца.

Мать, которая вынашивает, вскармливает и защищает, представляет собой «комфортный» архетип. Символическое слияние с телом Матери, по Лакану, является первичной движущей силой человеческой психики⁹. Основная функция матери – защита, стабилизация существования. Сфера действия этой инстанции – «реальное», которое находится по ту сторону всякой рациональности и никогда не может быть удовлетворено в качестве потребности. Эмоционально-волевые особенности данного архетипа в большей степени формируют коллективное бессознательное русских.

Отец в качестве *символической фигуры* порядка культуры выполняет регулирующую функцию. Через данную архетипическую инстанцию приобретаются навыки культурного существования, усваиваются национально обусловленные социальные законы. Отец выступает как символическая репрезентация относительно жесткого культурного канона, неявное воздействие которого продолжается в течение всей жизни,

особенно на ранней стадии развития ребенка, для которого внешняя физическая и внутренняя психические реальности нераздельны. Принудительная сила закона навязывает индивиду набор определенных социальных ролей. Значимость архетипа Отца как мужского рационального, упорядоченного начала представляется более весомой для французского коллективного бессознательного, нежели для русского.

Топосы национальной культуры формируют языковой субъект, так как они связаны с языковой картиной мира как частью определенного культурного континуума. Можно предположить, что основные качественные характеристики данных архетипов актуализируются в тенденциях речевого узуса каждой нации.

¹См.: **Стернин И. А.** Общение: с мужчинами, с женщинами, в семье. Воронеж – Пермь, 1999. С. 279-282.

²**Jackendoff R.** Semantics and Cognition. Cambridge, 1984.

³**Kristeva J.** Le temps sensible / Proust et l'expérience littéraire. P., 1994

⁴**Пригожин И., Стенгерс И.** Время, хаос, квант. М., 1999

⁵**Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994

⁶См.: **Ницше Ф.** Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М., 1990

⁷**Маковский М. М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 20.

⁸**Юнг К. Г., Нойман Э.** Психоанализ и искусство. М., 1996.

⁹См.: **Lacan J.** Ecrits. P., 1996.

Белгород